

П Р И Р О Д А У М Н Е Е

В 30-километровой зоне и на Чернобыльской АЭС, как мы уже сообщали, побывала совместная делегация ученых США и Украины, которую возглавляли профессор Поль Виттерспун с американской стороны и член-корреспондент Академии наук Украины Эмлен Собонович — с украинской.

— Эмлен Владимирович, представьте, пожалуйста, Вашего коллегу...

— Поль Виттерспун работает лабораторией гидрогеологии и гидрохимии в Калифорнийском университете. А в ноябре прошлого года он был избран действительным иностранным членом Академии наук Украины. Так что нынешний приезд во главе делегации — это в какой-то мере «отработка» своего украинского академического звания.

— Какую организацию представляют американские ученые?

— Наши гости приехали из «Ю. С. Эйд» — организации, оказывающей научную помощь слаборазвитым странам, в кагорту которых, как это ни горько сознавать, в глазах За-

пада попала и Украина после развала СССР. Конечно, нашим ученым есть чем гордиться, у украинской науки немало достижений, но ведь все это, к сожалению, уже в прошлом. А нынешнее ее положение — прежде всего финансовое — таково, что ни о каком серьезном продвижении вперед не может быть и речи.

«Ю. С. Эйд», кстати, уже помогает российским ученым — от них, собственно, мы и узнали о существовании такой благотворительной организации. Вместе с академиком В. Шаповаловым, с которыми мы вместе курируем в Академии наук всю радиоэкологическую часть Чернобыльской программы, мы написали в «Ю. С. Эйд» письмо с просьбой помочь украинским ученым, а в мае этого года,

когда вместе с Шаповаловым ездили в США, побывали и в штаб-квартире этой организации. И вот консультативная группа из пяти американских ученых, в состав которой, кроме Поля Виттерспуна, входят два гидрогеолога и два геохимика, представляющие Геологическую службу США, Калифорнийский и другие университеты, прибыли в Украину, чтобы на месте познакомиться с нашими учеными, уже проведенными исследованиями по чернобыльской тематике и решить, «заслуживаем» ли мы помощи от «Ю. С. Эйд» или нет.

— А что же смущает американцев?

— Откровенно говоря, их больше всего беспокоит, чтобы помощь «не ушла в песок». Ведь таких примеров в нашей советской истории сколько угодно. А кроме того, они хотят быть уверены, что сложные приборы, которые, возможно, будут приобретены для нас, окажутся в надежных руках — то

есть американцы должны воочию убедиться, что у нас есть специалисты, которые смогут работать с этими приборами квалифицированно.

— И на какую же помощь вы рассчитываете?

— Ну, пока говорить о ней — все равно, что о журавле в небе. До сибири в руках еще далеко. Но по предварительным оценкам нам могут выделить от одного до двух миллионов долларов в течение четырех лет. Причем, это не «живые» деньги, а сумма, на которую может быть закуплено научное оборудование. Сумма совсем небольшая — ее хватит только на несколько хороших, ультрасовременных приборов. Например, нам очень нужен «плазмокват СС», а он стоит 600 тысяч долларов. Это прибор, который позволяет определять всю таблицу элементов Менделеева, в том числе уран, нептуний, плутоний, америций — причем, все по изотопам. Чувствительность прибора очень

высокая, а его компьютер сразу выдает «распечатку» содержащихся в пробе элементов. В Украине таких приборов нет, а в России — целых три. Причем один из них в свое время предназначался для Академии наук Украины — бывшее правительство СССР выделило для его закупки 12 миллионов рублей. Плазмокват уже пришел морским путем в Ленинград, мы получили телеграмму, что можем его забрать, но тут начались путчи, раздел имущества республик, борьба суверенитетов и так далее, и украинские радиоэкологи остались, как говорится, при своих интересах. Приходится работать на приборах, изготовленных одним из предприятий в Сумах. Но по сравнению с американским аналогом это все равно, что ездить на паровозе... Еще в прошлом году мы заказывали произвести анализы чернобыльских проб петербургским коллегам (причем, на том самом плазмоквате, который предназначал-

ся Украине), но после того, как рухнула вся система межгосударственных платежей, оказались лишены и этой возможности. Ведь без предельно точных расчетов трудно, а порой невозможно подготовить долговременный прогноз «поведению» радионуклидов. А это очень важно — рассчитать, например, скорость вертикальной миграции различных радионуклидов, чтобы знать, когда они могут достичь подземных водонесных горизонтов.

— Поскольку вы сами затронули некоторые аспекты вашей работы, расскажите, чем сейчас занимаются ученые отделения радиогеохимии окружающей среды в зоне отчуждения?

— Мы продолжаем работы, начатые еще летом 1986 года. Прежде всего, это постоянный контроль за скоростью миграции радионуклидов. У нас есть 40 контрольных точек на полигонах около станции

БУЛЬДОЗЕРОВ

Янов, сел Копачи, Лелев и в других местах, где установлены приборы, фиксирующие содержание радиоизотопов в воде и почве. Сопоставляя сегодняшние результаты с предыдущими, мы можем определенно сказать, есть ли опасность распространения цезия, стронция и плутония, а если есть, то когда и где ее ждать.

— **И как же вы оцениваете нынешнюю радиэкологическую ситуацию в 30-километровой зоне, каков ваш прогноз на будущее?**

— Сейчас, спустя семь лет после аварии, радиэкологическая обстановка в зоне отчуждения стабилизировалась. В значительной степени это произошло даже раньше, чем мы ожидали. Наибольшее беспокойство представляют грунтовые воды в местах захоронения бывшего «рыжего леса». Но к глубоководным горизонтам «фронт» радионуклидов подойдет не раньше, чем через сто лет. К тому времени от стронция-90 практически ничего не останется, а вот цезий-137

свою активность еще сохранит. «Рыжий лес» — это, пожалуй, самый опасный участок. Скорость вертикальной миграции радионуклидов настолько мала, что в других местах «фронт» подойдет к питьевым горизонтам через 200 — 300 лет. За это время и цезий порастрачивает свою силу. То есть наш прогноз достаточно оптимистичный.

— **Вы хотите сказать, что природа сама, без уча-**

стия человека, может справиться с радиацией?

— Да, причем делает это намного быстрее, чем предполагалось в теории. На практике в дело включился целый комплекс механизмов по самоочищению природы от радиоактивного загрязнения.

— **Получается, что многие дезактивационные работы, проведенные в 30-километровой зоне, прежде всего в 1986 — 1987 годах, были и не особенно важны. А ведь на них бы-**

ли затрачены миллиардные средства. Да что там миллиарды! Подорвано здоровье тысяч ликвидаторов и солдат, принимавших участие в дезактивации!

— Сразу после аварии и до сих пор я высказывал и высказываю одну точку зрения: 30-километровую зону оставить только для научно-исследовательских работ. Я выступал и выступаю против «бульдозерной» очистки зоны. Нужно всегда подходить с позиции «польза — вред». Конечно, если затратить триллионы, а когда они кончатся — квадраты карбонатов, то всю зону можно превратить в «зеленую лужайку». Но в чем мы — народ Украины — будем тогда ходить и что будем кушать? Мы и так тратим на зону слишком много.

Поэтому я всегда предлагал: закрыть зону за колючую проволоку. И чтобы люди отсюда ушли. И никакие производственные предприятия, сидящие на господжете, здесь не нужны. Оставить лишь ПО «ЧАЭС», поскольку оно действительно работает, а не проедает деньги налогоплательщиков. Если станция приносит в год 500 — 600 миллионов долларов

прибыли — то тут есть ради чего рисковать.

Кстати, я был против строительства дамбы по левому берегу реки Припять. Когда был подготовлен проект, я написал «особое мнение»: считаю, что дамба не столько нужна, сколько бесполезна. Это ведь очевидная вещь: если весной поднимается вода, то в пойме будет такой же уровень, что и в реке. А когда вода начнет спадать, то и из поймы она тоже уйдет в реку. Вода себе дырочку всегда найдет, что бы вы с ней ни делали.

Вот недавно в Минчернобыле вновь обсуждался проект водоохранных мероприятий в 30-километровой зоне. Я тоже выступил и сказал, что украинские наследники бывшего Минводхоза СССР просто хотят захватить финансирование работ, выделяемое правительством на решение чернобыльских программ. И больше ничего за этим не стоит. Представили проект на 500 миллионов карбонатов. Ну что это такое? Хотят перерыть всю зону, убрать... Куда убрать? У нас ведь, простите, одна «стечная канава» — Днепр. Так что куда ни убирай — все там будет.

Слава Богу, проект не был принят.

— **Но, Эмлен Владимирович, наверное, в зоне все же необходимо проводить какие-то дезактивационные и водоохранные работы, которые будут не бесполезны и с вашей точки зрения?**

— Конечно, в 30-километровой зоне есть локальные точки приложения сил. Например, если все же будут останавливать ЧАЭС — а когда-то это случится, пусть даже после исчерпания ее проектного срока эксплуатации — то придет время осушать пруд-охладитель. Значит, надо будет разработать технологию этого осушения. Или постепенно спускать воду, чтобы он зарастал травой, или песочком засыпать, или еще что... Но это же другое дело. Это локальная точка.

Еще раз повторю: не надо делать глобальной перестройки экологии 30-километровой зоны. Тем более грубыми техническими средствами. Природа умнее бульдозеров и скреперов. Она справится с бедой лучше. Не надо ей только мешать.

Интервью взял
Виктор ДЕМЕНЕВ.